

Известный кинорежиссер Анатолий Пчелкин вспоминал: «Я ведь знал их еще молодыми актерами. Она в те годы хорошо «пошла» в Театре сатиры, а он выходил на сцену в эпизодах и небольших ролях». Она — это Надежда Каратаева. Он — Анатолий Папанов. Наш рассказ — о ней.

Наступили и стали набирать темп и качество перемены в актерской судьбе Анатолия Дмитриевича. Театральный успех его в роли Боксера в спектакле по пьесе Назыма Хикмета «Дамоклов меч», поставленном В. Плучеком, привлек внимание писателя Константина Симонова и кинорежиссера Александра Столлера. Они отважились предложить комедийно-гротесковому актеру роль генерала Серпилина в фильме «Живые и мертвые». Серпилин стал символом горечи и побед Великой Отечественной войны, признанным прежде всего ее ветеранами — от солдата до маршала. С того памятного 1963 года Папанов ступил на широкую магистраль всенародной славы.

А Надежда Юрьевна оставалась хорошей, нужной театру актрисой, не появляясь на кинозреканах, не привлекая к себе интереса миллионов зрителей. В лучших своих ролях она была достойной партнершей своего талантливого мужа: в комедии А. Смирнова «Родные мои», в незабываемом «Гнезде глухаря» В. Розова.

Мало кто знал, какую значительную роль они играли в жизни и творчестве друг друга. Оба — фронтовики первых, самых тяжких лет войны. Оба — студенты актерского курса ГИТИСа, который остался в истории института как «курс инвалидов войны». Почти никому не было известно, что Папанов до конца дней своих имел инвалидскую книжку фронтовика, что молодая Надя Каратаева помогала ему преодолеть, казалось бы, непреодолимое: отбросить палку, научиться не только ходить, не хромая, но и танцевать, и пластически двигаться чуть ли не лучше здоровых сверстников. А у него взрывом была оторвана стопа. Красавица Надя на все сорок два года их совместной жизни стала его женой и самым близким другом. Он любил повторять: «Я — однолюб: одна жена, один театр». Новая роль — совместные поиски, споры, волнения. Новая книга — читали вместе. «С нуля» возводили свой дом, славный гостеприимством, скромную дачу. Вместе растили и вырастили дочь-актрису, радостно возились с маленькими внучками. А после его неожиданного ухода из жизни Надежда Юрьевна, не задумываясь, вложила всю себя и все сбережения семьи в увековечение памяти Анатолия Дмитриевича.

В театре ее любят и уважают, числят в мастерах, удостоенных почетного звания — она заслуженная артистка России. Но репертуар последних лет сложился не в ее пользу. Народность дарования актрисы Каратаевой остается почти не востребованной.

И тут-то посетил актрису тот самый «случай, бог-распорядитель», к которому оказываются готовыми только настоящие художники. Она получила приглашение на роль крестьянской

матери в спектакле по рассказам В. Шукшина «Материнское сердце». Автор пьесы и режиссер спектакля Александр Кравцов создал несколько лет назад Московский театр «Мир искусства» как контрактную труппу, способную включить в себя актеров из разных театров Москвы. Судьба свела актрису и режиссера не случайно: А. Кравцов — давний друг и биограф Папанова, автор многих статей и очерков о нем, а теперь и автор-составитель сборника «Четыре музы Анатолия Папанова», выпускаемого издательством «Искусство».

Надежда Юрьевна, много лет посвятившая себя театру комедийно-сатирических жанров, с почти ученическим трепетом отнеслась к работе над шукшинским женским характером в одиссее малограмотной крестьянки, пустившейся в страдный путь борьбы за судьбу арестованного сына.

— С первого прочтения пье-

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ОЧАГА

сы, — рассказывает актриса, — мне стало ясно, что тут ничего не отопрешь ключом театральности. Шукшин только внешне прост и безыскусен, но за каждым его словом — пластики психологических полутонов, душевных переживаний, стремительно сменяющих друг друга. В такой роли актрисе надо не играть, «а быть» крестьянкой, поднявшей без отца трех сыновей, смолоду не знающей покоя и безмятежного благополучия.

Быть на сцене матерью, переживающей драму своего ребенка — свою беду, мне не трудно. Я тоже знала нужду, много работала, мне ведома горькая цена утраты близких людей, и сейчас — вся в хлопотах для дочери, внучек. Но крестьянская доля — не доля городской женщины. Тут и психология иная, и руки не те, и встречи с неведомым миром законоохранительных органов для такой женщины — как полет на Марс. Спрячешься за характерность, манерку, говорок — пиши пропало, фальшь вылезает наружу.

Мне рассказывали, как Федор Абрамов поглядел спектакль о своих Пряслиных в одном столичном театре и сказал: «Хорошо играете, да только это — не деревня русская!». Не скажу, чтобы уже совсем не чувствовала деревню, общалась с крестьянскими женщинами, читала не только Шукшина, но и Абрамова, и Виктора Астафьева, с которым дружил Папанов... Но в пьесе заложен еще один опасный поворот — драматург ввел в контекст роли монолог из рассказа Шукшина «На кладбище». Спектакль должен подняться от бытовой драмы до притчи о «земной Божьей Матери», по

ночам оплакивающей судьбу нынешнего молодого поколения. Шекспир такие явления откровенно поднимает своим александрийским стихом, а тут — все направлено внутрь, в шуксинскую достоверность. Даже в таком монологе Василий Макарович был верен себе, «окуняя перо в правду». После такой патетической, казалось бы, сцены мне предстояло, по замыслу режиссера, в finale спектакля уйти через зрительный зал, то есть встретиться с публикой на ближней дистанции, глаза в глаза, не разрушить впечатления, что я — подлинная простая женщина села, а не актриса в как угодно хорошо играемой роли.

Я понимаю, Каратаева не имела права разочаровывать зрителей в искусстве, которое вписало ее семью в историю театральной и кинематографической культуры России. Зрителю ведь не прикажешь забыть, что перед ним — жена и сценический партнер Папанова...

— Думаю, — продолжает Надежда Юрьевна, — что мне давали силы несокрушимая вера в меня и талантливое умение Александра Михайловича Кравцова работать с актером чутко, подмечая едва промелькнувшие на репетициях блики будущего образа. Но не только это. Я была окружена таким человеческим теплом и вниманием моих партнеров, которым может позавидовать любой актер. Никита Михалков как-то рассказывал о семейной атмосфере, в которую удавалось привлечь съемочные группы и актеров лучших его фильмов. То же самое происходит в театре «Мир искусства». Здесь люди лелеют друг друга. А меня — вдвойне: я же — Мать... Не только молодой Кости Но-

виков, недавний выпускник ГИТИСа, играющий роль моего сына, но и опытный Сергей Коррин, исполняющий роли Участкового и Майора милиции, и Сергей Блохин с его партнерской чуткостью в образе милиционера Мельникова и добрым сердцем в жизни создавали климат, в котором работаетется благодарно.

На один из спектаклей приехала Лидия Федосеева-Шукшина.

— Без преувеличения скажу: если бы она не приняла меня в этой роли, я была бы парализована, не смогла бы больше выйти на сцену в «Материнском сердце», — призналась Каратаева.

Но Лидия Николаевна отозвалась так:

— Сейчас стали вольно обращаться со многими авторами. Не обошла эта горькая доля и Шукшина. Но в этом театре сумели сливаться с ним, сохранить его характеры, философию. А что касается вас, Надежда Юрьевна, то остается только низко поклониться. Спасибо вам!

Я видел встречу двух талантливых женщин с очень близкой судьбой. Обе наследуют выдающимся художникам, творчеством своим выразившим целую эпоху. Обе достойны высокого звания актрисы — художника. Обе — сама Россия.

В смутие умов, нравственных метаний, заемных вкусов и вкусики моды как не поклониться им, хранительницам очагов русской культуры?

Юрий АНОХИН.

● Н. Каратаева в роли Матери. «Материнское сердце» по В. Шукшину. Театр «Мир искусства».

Фото В. Власкина.